

Главному злодею снова три с половиной года [] []: Глава 9. Шлёпать! По попе!

Yánchéng Tàishòushēng

Глубокой ночью, в одиннадцать часов.

Ночной ветерок врывается в щель окна, которую Цзян Чжуй нарочно оставил приоткрытым, и нежно колыхал бледно-голубые шторы.

Лу Ао лежал на больничной койке, глаза его были плотно закрыты. Он уснул под нежные похлопывания Цзян Чжуй и его фальшивое пение.

Поначалу он действительно спал крепко.

Ему казалось, будто он лежит на мягком облаке, согретый теплыми лучами солнца, а рядом пролетают чайки, хлопая крыльями. Маленькое облачко несло его, плыло и плыло, миновало пустыню, пролетело над равниной, проплыло прямо над головой отца. Отец поднял голову, глядя на него, и со смехом сказал: «Ай, детка, ты не только хуагу мяньчжан освоил, но и цингун?»¹

Примечание 1: «хуагу мяньчжан» (滑骨绵掌, huàgǔ miánzhǎng) — вымышленный стиль ушу из романов уся и фильмов. Дословно переводится как «Ладонь Размягчающая Кости» или «Нежная Ладонь Растворяющая Кости» (отсылка к прощанию с доктором в прошлой главе). Это техника, которая якобы наносит внутренние повреждения, размягчая кости жертвы, часто с отсроченным эффектом. «Цингун» (轻功, qīnggōng) — «искусство легкости», умение в уся невероятно высоко прыгать, бегать по воде или стенам, летать и т.д.

Лу Ао, лежа на облаке, задорно поднял ножку, явно гордясь собой: «Ну конечно же!»

Но в следующее мгновение облако остановилось над бескрайним морем. Небо затянуло черными тучами, волны вздымались и бушевали — точь-в-точь как в тот день, когда он покончил с собой в прошлой жизни. Облако под ним рассыпалось, и Лу Ао, не успев даже пошевелиться, камнем рухнул в море, поглощенный его водами.

Морская вода во сне была не ледяной, а обжигающе горячей. Она была как кипящая вода в котле, клокочущая огромными пузырями.

А Лу Ао был похож на маленький пельмешек, отчаянно болтающий ручками и ножками, плавающий в этом кипящем вареве, готовый в любой момент свариться до готовности.

И в этот самый момент снова появился Цзян Чжуй.

Он стоял у края этого огромного котла, словно надев бесстрастную маску. Его глаза, всегда светившиеся улыбкой, стали холодными.

Выражение его лица было ледяным. И голос был ледяным.

Он сказал: «Лу Ао, ты такой никчемный! Я родил тебя только для того, чтобы привязать сердце Лу Синъюаня, чтобы он давал мне больше денег. А ты не можешь выпросить ни копейки! Совсем ни на что не годишься!»

Лу Ао широко раскрыл глаза, не веря тому, что слышал.

Он хотел сказать, что в будущем у него тоже будет много денег, что он тоже будет заботиться

об отце в старости, чтобы папа не варил и не ел его.

Но он не мог произнести ни слова.

Он не был способен на то, чтобы падать на колени и умолять о пощаде.

В этот момент Цзян Чжиюй достал маленькую травяную вилочку для торта в форме и нацелился на него: «Никчемный пельмешек, я сейчас проткну тебя вилкой и съем!»

Сразу же, казалось, пришел еще кто-то. Цзян Чжиюй мгновенно сменил тон на заискивающе-угодливый: «Дорогой господин Лу, вы пришли? Я как раз собирался съесть пельмешка, не хотите ли и вы кусочек?»

Холодный, бесстрастный голос Лу Синьюаня ответил: «Хорошо».

Цзян Чжиюй и Лу Синьюань вместе подняли вилки. Тень от них нависла над головой Лу Ао.

«Никчемных детей Папа и Большой Папа съедают!»

«Ам! Ам! Ам!»

Уйдите! Уйдите прочь!

Противные папа и папа, уйдите!

Я никогда вам не поверю, меня больше не обмануть!

Проваливайтесь!

Лу Ао замахал руками, забился в ужасе и очнулся от кошмара.

Он резко сел на кровати. Больничная рубашка была промокшей от пота, и даже на простыне под ним осталось маленькое влажное пятно там, где он лежал.

Он...

Лу Ао обхватил одеяло и огляделся вокруг, лишь сейчас осознав реальность.

Он находился в больничной палате.

Он поднял руку и дотронулся до лба.

Лоб был обжигающе горячим, жар растекался по голове, заставляя ее гудеть.

Не зря врач, осматривая его, предупредил, что к вечеру состояние может ухудшиться. Не зря ему приснилось, будто он плавает в кипящем котле.

Лу Ао сполз с кровати, намереваясь нажать на красную кнопку вызова у изголовья, чтобы позвать дежурную медсестру. Но как раз в момент, когда он уже собирался это сделать, его внезапно накрыло головокружение.

Он изо всех сил тряхнул головой, пытаясь вернуть ясность сознания. Однако его мысли спутались в тугий клубок. Он ничего не мог вспомнить, ничего не мог удержать в голове.

Схватившись за голову руками, он пытался прощупать этот клубок, найти хоть одну ниточку, за

которую можно было бы потянуть.

«Меня зовут Лу Ао, мне двадцать восемь лет... Нет, три года... Двадцать восемь...»

«Моего папу зовут Цзян Чжюй, папу — Лу Синьюань, мы живем...»

«Цзян Чжюй и Лу Синьюань — плохие... Соусная Рыба и Круглый Путь — плохие...»²

Примечание 2: «江鱼» (Jiàngzhīyú — «Соусная Рыба») — это искаженное, насмешливо-обидное прозвище, основанное на звучании имени Цзян Чжюй (江, Jiāng Zhīyú). «路圆» (Lù Yuányuán — «Круглый Путь») — аналогичное прозвище для Лу Синьюаня (路, Lù Xīngyuān), игра на его фамилии «Лу» (路 - дорога) и добавлении «Юаньюань» (圆 - круглый), придающего имени уничижительно-детское или просто глупое звучание.

Лу Ао резко поднял голову и, действуя на инстинкте, отдернул руку от кнопки. Нет, пока нельзя звать медсестру.

Мысли в его голове превращались в сумбур. Казалось, он вот-вот забудет множество важных вещей. Он обязан успеть записать все самое важное до прихода медсестры.

Иначе зачем тогда он переродился — просто так?

Лу Ао, держась за поручень кровати, прыгнул вниз. Он ступил одной ногой в тапочку, и раздался громкий скрип. Лу Ао на мгновение замер, его маленький, перепутанный мозг начал работать:

«Эти тапки такие шумные, меня обязательно услышат».

«Но папа говорил, что нельзя ходить босиком по полу, иначе червячки заползут в горло».

«Есть другие тапки?»

«Нет».

«Тогда ладно, надену эти тапки».

Как бы там ни было, слова папы — это закон, и его надо слушаться!

Лу Ао надел тапки и побежал, громко издавая знакомы звуки: скрип-писк.

Сначала он подбежал к чемодану с игрушками. Дедушка Чжан дал ему игрушки и не стал закрывать чемодан, оставив его открытым, чтобы мальчик мог брать, что захочет.

Сейчас это очень помогло Лу Ао.

Он нашел книжку-раскраску и коробку фломастеров на двадцать четыре цвета. Взяв находки, он покружил по палате и наконец включил бра у журнального столика и сел перед ним.

Лу Ао открыл книжку-раскраску, нашел страницу с большим количеством свободного места, достал чёрный фломастер, крепко сжал его в руке и начал писать.

«Папа...»

Его ручка была слишком мала, чтобы как следует схватить фломастер, и уж тем более

контролировать его движения.

Получившиеся иероглифы были не просто кривыми-косыми, но и огромными-преогромными!

Но выбора не было — он должен был продолжать. Проговаривал слово про себя — записывал его. Кропотливо, черта за чертой, следя, чтобы не допустить ошибки.

«Папа плохой».

«Большой Папа тоже плохой».

Он перевернул страницу и продолжил: «Не любить... лю...»

Стоп... а как писать иероглиф «любить»? Он вдруг не смог вспомнить.

Ладно, проехали. Лу Ао сразу перешел к следующей строке: «Биржа, хакер, развод...» А «развод» как писать?

Ладно, пропустим.

И что же он хотел написать дальше?

Почему его мозг с IQ 140 так отвратительно работает сейчас?!

Лу Ао сжал фломастер в кулачке и со всей силы швырнул им о столик, гневно выкрикнув:

— Ненавижу! Ненавижу!

Не успели его слова затихнуть, как дверь палаты распахнулась, и вновь раздался знакомый голос:

— Лу Ао, что ты делаешь вместо сна?

...Цзян Чжиюй услышал скрип «пищащих тапочек» и несколько минут наблюдал из-за двери, думая, что Лу Ао ходит во сне, и боялся напугать его резким движением. Он уже собирался пойти за врачом, как вдруг увидел, что Лу Ао сидит перед журнальным столиком и что-то пишет, да еще и ругается себе под нос.

Чёрт побери! Цзян Чжиюй с первого взгляда понял — это никакой не лунатизм!

Лу Ао, сидевший спиной к двери, всем телом напрягся. Но он не обернулся. Вместо этого он еще крепче сжал фломастер и начал яростно строчить. Он должен был бороться за каждую секунду!

Видя, что тот его игнорирует, Цзян Чжиюй повысил голос и вошел в палату:

— Аоао? Лу Аоао? Не спится? Опять погладить по спинке?

Лу? Ао? Ао?

И тут рука Лу Ао, яростно выводившего строчки, замерла. Он с недоверием поднял голову и повторил это имя:

— Лу... Ао... Ао...

В одно мгновение до него что-то дошло.

«Аоао» — это было его имя!

Цзян Чжюй вставлял «аоао» в каждую свою фразу не для того, чтобы кривляться и казаться милым — он звал его по имени!

Его детское прозвище было «Лу Аоао»!

Лу Ао снова стукнул кулачком по столу и изрёк с пафосом настоящего жестокого СЕО:

— Чёрт возьми!

Неужели его имя так ужасно звучит?!

И в этот самый момент Цзян Чжюй подошел к нему вплотную, протянул руки и, словно репку из земли³, с усилием выдернул его с пола.

Примечание 3: Сравнение «как репку» (拔萝卜) — очень распространенный и наглядный в китайском образ для описания действия, когда кого-то (чаще ребёнка) поднимают с земли или вытаскивают откуда-то, приложив усилие, иногда даже дернув.

— Быстро спать! Ты всё ещё... — Цзян Чжюй запнулся, ощутив непрерывное жаркое излучение, исходящее от больничной рубашки Лу Ао. — Что такое? Почему ты такой горячий? Дай папе проверить.

Лу Ао яростно забился, отчаянно вырываясь, не желая, чтобы тот прикасался к его лбу:

— Отстань! Не лезь! Я не пельмешек! Даже если я уже сварился, тебе всё равно нельзя меня есть!

— Что за чушь? Кто сказал, что ты пельмешек? — Цзян Чжюй попытался его удержать, но Лу Ао был словно маленькая рыбка, выброшенная на берег — невероятно сильный и юркий, удержать этого малыша было просто невозможно. — Лу Аоао, у тебя снова жар. Не дёргайся, папа позовет врача.

— Я в порядке! Я ещё могу держаться! Не мешай мне обрабатывать документы!

— Что?! Какие документы?! Что бы это ни было — разберёмся завтра...

Среди всей этой неразберихи Цзян Чжюй наклонился и при свете бра всмотрелся внимательнее.

На красочной странице книжки-раскраски огромными и кривыми буквами было выведено:

«ПАПА ПЛОХОЙ».

«БОЛЬШОЙ ПАПА ТОЖЕ ПЛОХОЙ».

И в этот самый момент Лу Ао, казалось, заметил, что он смотрит. Он потянулся вперед, пытаясь захлопнуть книжку:

— Не смотри!

Но в следующее мгновение Цзян Чжюй крепко обхватил его руками.

И просто унес с собой!

Цзян Чжюй нажал кнопку вызова у кровати, а затем, держа Лу Ао на руках, сел на постель, ожидая врача и медсестру.

Лу Ао все еще отчаянно барахтался:

— Я стану Богом биржи, Волком с Уолл-стрит! Отпусти меня!

Цзян Чжюй посмотрел на него, глубоко вздохнул, изо всех сил стараясь сохранить спокойствие.

Терпи, терпи, этот малыш же с температурой.

— Я больше не хочу быть ребенком папы и мамы! Я стану независимым и могущественным Лун Аотянем... Малышом Лу Аотянем!

Цзян Чжюй изо всех сил глубоко вдохнул.

Спокойствие, спокойствие... Это, в конце концов, неплохие амбиции.

— Сегодня я претерпел сие неслыханное унижение! Но в грядущие дни я воздам сторицей, тысячецей...

Терпению пришел конец!

Цзян Чжюй схватил Лу Ао, перевернул его и уложил себе на колени. Шлёп! Шлёп! — отцовская ладонь безжалостно опустилась на его попку.

— Лу Аоао, ты что, перечитал романов про жестоких СЕО? Считаю до трёх — немедленно приди в себя! Раз!..

— Ха... Сия мелочная обида? Ни капли не больно!

— Лу Ао, папа действительно в ярости!

— Ну так разорвём все связи!

Едва эти слова прозвучали, как в палате воцарилась гробовая тишина.

Цзян Чжюй смотрел на Лу Ао с немим недоверием. Лу Ао из-за температуры был красным как рак. Жёлтые корочки склеили ему ресницы и затуманили взгляд. Но он все равно изо всех сил раскрыл слипшиеся глазки, принял бойцовскую позу и уставился прямо на Цзян Чжюя.

Цзян Чжюй, придя в себя, резко развернул его, вернул обратно на кровать и, не оглядываясь, вышел из палаты.

Лу Ао смотрел на его удаляющуюся спину. И вдруг — шшш — раскалённая волна в голове мгновенно схлынула.

Кажется... он довел папу до бегства...

Папа ведь... больше не вернется, правда?

Ничего страшного! Ведь он и так давно хотел... давно...

Хлынувшие слёзы смыли корочки с глаз. Лу Ао опустил голову и грубо вытер глаза кулачками.

И в следующее мгновение Цзян Чжюй ворвался обратно! Он... он зажал телефон в одной руке, а другой выдернул Лу Ао из кровати и прижал к груди так крепко, что у того перехватило дыхание.

Как только соединение было установлено, Цзян Чжюй прорычал в динамик:

— Лу! Син! Юань!

Он кричал так громко, что грудь его ходуном ходила, и Лу Ао трясся вместе с ним:

— Где ты застрял, а?! В девять говорил — «уже почти приехал»! А теперь одиннадцать — и тебя всё нет! Немедленно катись сюда обратно! Что ты вообще вбил в голову Лу Аоао?!

С той стороны доносились завывание ветра и частая дробь шагов, но мужской голос звучал натянуто-осторожно:

— Дорогой, дай мне десять секунд, я уже на подходе!

Цзян Чжюй впился пальцами в телефон:

— Десять! Девять! Восемь!

В тот же миг из коридора донеслись торопливые шаги — наверное, спешила дежурная медсестра.

— Семьшестьпятьчетыретридваодин! — Цзян Чжюй выпалил обратный отсчёт на одном дыхании.

Не успело эхо его слов затихнуть, как в дверях палаты возникла высокая мужская фигура.

На нём был деловой костюм, но пиджак он, видимо, скинул по дороге.

В одной лишь белой рубашке и черных брюках он оперся рукой о косяк. Выражение лица сохраняло видимость спокойствия, но сбивчивое дыхание его выдавало.

— Дорогой! Сыночек!

Свет бра был тусклым. Цзян Чжюй, прижимая к себе Лу Ао, уставился на него вместе с сыном. На их лицах было написано одно и то же выражение.

Цзян Чжюй кипел от ярости:

— Ты только сейчас приполз! А Лу Ао уже грозитя порвать с нами все связи!

Лу Ао смотрел бесстрастно: «Так вот он какой, этот Лу Синьюань? Вот этот "бесчувственный папа"? Вот этот...»

Пользуясь тем, что Цзян Чжюй ослабил хватку, Лу Ао вывернулся из его объятий и понёсся

напрямик на Лу Синьюаня!

Получи удар башкой!

— Эй!.. — Цзян Чжюй не успел и слова вымолвить, как Лу Синьюань широко раскрыл ладонь, преградив путь лбу Аоао, а затем лёгким движением вскинул его в воздух и подхватил подмышку, словно непослушного щенка.

Лу Синьюань осторожно поинтересовался:

— Дорогой, что прикажешь делать?

Цзян Чжюй взмахом руки вынес суровый вердикт:

— Шлёпать! По попе!

<http://bllate.org/book/13911/1225872>Главному злодею снова три с половиной года [] []: Глава 10. Поддержка

Yánchéng Tàishòushēng

Холодный и безжалостный Большой Папа, холодная и безжалостная его большая ладонь.

Холодно и безжалостно опускалась на попку Лу Ао.

Лу Ао держали в захвате Большого Папы; каждый шлепок по попе заставлял его маленькие ножки дрыгаться.

— Не больно! Совсем не больно!

— Лу Синьюань, ты что, не ел?

— Давай! Восемнадцать лет спустя я снова буду боссом!

Лу Синьюань был озадачен его словами и слегка нахмурился, но продолжал неукоснительно выполнять приказ супруга, методично шлепая его по попе.

Цзян Чжюй молча считал удары. Прикинув, что Лу Синьюань уже отшлепал его раз пять, он встал и велел остановиться:

— Достаточно, на сегодня хватит.

Цзян Чжюй подошел к Лу Ао и протянул к нему руку. Только сейчас Цзян Чжюй наконец дотронулся до его лба. Как и следовало ожидать — он был обжигающе горячим, прямо как сегодня утром!

Сегодня утром Лу Ао устроил истерику и тут же потерял сознание, и только тогда Цзян Чжюй смог отвезти его в больницу. А теперь, после целого дня отдыха, наевшись досыта, выпавшись и набравшись сил, он снова закатил сцену без конца и края.

Цзян Чжюй изначально хмурился, собираясь отругать его как следует.

Но, наклонившись и увидев покрасневшее личико Лу Ао и глаза, полные слёз, он так и не смог ожесточиться.

Цзян Чжиюй взял лицо Лу Ао в ладони, большим пальцем стер слёзы и засохшие корочки у глаз и строго сказал:

— Лу Аоао, да у тебя температура зашкаливает...

Услышав имя «Лу Аоао», Лу Ао тут же взреагировал. Он подскочил:

— Не смей так меня называть!

— Ладно, ладно, Лу Ао. Ты уже до бреда нагрелся, и всё ещё папе дерзишь?

— Я не брежу!

— Тогда что же я тебе такого сделал? За что ты так мучаешь папу?

— Я не мучаю... — Лу Ао запнулся, — Это ты меня мучаешь! Ты же собрался меня съесть! Убийство отца — предел вражды, я отомщу!1

Примечание 1: 天大地大, 没有父母不报的仇. Это очень пафосная и архаичная фраза, часто встречающаяся в китайской литературе (особенно в уся и исторических драмах). Она означает, что обида/преступление настолько велико, что обидчик и обиженный не могут сосуществовать под одним небом, и месть обязательна.

И он ещё говорит, что не бредит?

Оба его отца живы-здоровы и стоят прямо тут, а он вещает про «убийство отца».

Цзян Чжиюй криво усмехнулся, сохраняя бесконечное терпение, и мягко уговаривал его:

— Если хочешь мстить, тогда веди себя хорошо, лечись, слушайся врача и больше не дёргайся, понял?

Лу Ао упрямо вытянул шею и молчал.

Раз мягкий подход не сработал, Цзян Чжиюй перешёл к угрозам:

— Будешь дёргаться - позову Большого Папу, чтобы он продолжил тебя лупить! И придётся тебе, малыш, лежать на кровати с красной попой!2

Примечание 2: Оригинальное 欠屁股 Цзян Чжиюй: 欠 (qiào pì) – буквально «торчащая попа» (подразумевается, что после шлепков она станет красной, выпуклой и приподнятой) и 嫩 (nèn zǎi) – «нежный/мягкий детёныш» (часто с оттенком нежности или поддразнивания) сложнопереводимо, но очень мило.

Вот мерзавец, какой же он злой!

Лу Ао неохотно буркнул:

— Угу...

Цзян Чжиюй взглянул в сторону коридора. И как раз в этот момент врач и медсёстры, услышав вызов, наконец примчались, толкая тележку, впопыхах и спешке.

Вообще-то они пришли очень быстро: с момента, как Цзян Чжиюй нажал кнопку вызова, до их

появления прошло меньше трёх минут.

Просто Лу Ао устроил такой хаос.

Три минуты его истерики растянулись в тридцатиминутную эпопею, и Цзян Чжиюю казалось, что каждая секунда длится год.

— В чём дело, мистер Цзян? Что случилось? — врач и медсёстры наконец оказались перед ними.

Цзян Чжиюй указал на Лу Ао:

— У него снова температура. Дайте ему ещё один укол.

Лу Ао в шоке поднял голову и заорал:

— ЦЗЯН ЧЖИЮЙ!

Лу Синьюань нахмурился, прижал ладонью его голову и произнёс свою третью фразу с момента их встречи:

— Лу Ао, нельзя называть папу по полному имени.

Лу Ао, словно волчонок, злобно уставился на него: «А тебе какое дело? Когда тебя не было, я его так назвал раз сто! Хм, только теперь решил прикинуться „хорошим мужем“ и „хорошим отцом“? Поздно!»

Цзян Чжиюй протянул руку, словно разрывая невидимые искры высокого напряжения, прыгавшие между отцом и сыном.

— Лу Синьюань, положи Лу Ао на кровать, пусть врач его осмотрит. Лу Ао, больше не дёргайся. Будешь дёргаться - свяжу тебя простынёй.

— Хорошо, — отец и сын ответили одновременно, затем отвели только что скрестившиеся взгляды и сделали так, как велел им муж/папа.

Лу Ао, сжав кулачки, лежал на больничной койке. Его острый, как у молодого орла, взгляд как приклеенный следил за Лу Синьюанем.

Он ненавидел Лу Синьюаня. Даже сильнее, чем Цзян Чжиюя.

Возненавидел с первого взгляда.

То, что ему не удалось сбить его с ног при первой же встрече, было его большим сожалением.

Среди людей Лу Синьюань так же недвусмысленно, без тени смущения, встретился с ним взглядом, а затем...

Затем он взял за руку Цзян Чжиюя!

Не смейте держаться за руки!

Лу Ао внезапно разъярился, инстинктивно попытался вскочить с койки, чтобы помешать, но медсёстры уложили его обратно.

— Малыш, не волнуйся, доктор просто тебя осмотрит, и всё будет хорошо, – успокаивали они.

Цзян Чжиюй ледяным тоном произнёс:

— Лу Ао, что я тебе только что сказал? Лежать.

Лу Ао глубоко вздохнул, его маленькая грудь бурно вздымалась, но он всё же послушно улёгся обратно.

Ну и ладно, лежу как велено.

Лу Синьюань и Цзян Чжиюй стояли плечом к плечу, стараясь не мешать врачу, прямо у кровати. Но ни у одного из них не было того холодного, равнодушного выражения, которое Лу Ао видел в своих снах.

Цзян Чжиюй смотрел на Лу Ао с лицом, полным беспокойства и участия.

Лу Синьюань же разжал ладонь и полностью обхватил руку Цзян Чжиюя своей, сжимая её. Он наклонился и тихо успокоил его:

— Сяо Юй, всё будет в порядке.

Одной этой фразы хватило, чтобы Цзян Чжиюй не сдержался – его глаза покраснели и налились влагой. Он отвернулся, сознательно сдерживая голос, чтобы Лу Ао не заметил:

— Ты не видел... Этим утром Аоао был таким же. Как маленькая ракета, носился повсюду, сталкивался с людьми... Сейчас всё хуже, чем утром. Я чуть не умер от страха.

«Проклятье! Это он довёл Цзян Чжиюя до слёз! Да что же это за муж такой?» — Лу Ао стиснул зубы, его буквально распирало от желания снова рвануться и ударить Лу Синьюаня.

Цзян Чжиюй прижал пальцы к нижним векам, стирая слёзы, и повторил:

— Чуть не умер от страха.

Лу Синьюань обнял Цзян Чжиюя за плечи, повторяя:

— Всё будет в порядке. Я здесь. Аоао поправится.

Лу Ао обмяк, упав обратно на подушку, стиснутые зубы наконец разжались.

Оказалось, это он... довёл папу до слёз.

Час ночи.

Состояние Лу Ао наконец стабилизировалось, он лежал в кровати и спал.

Дедушка Чжан вместе с врачом и медсёстрами вышли из палаты, оставив только Цзян Чжиюя и Лу Синьюаня. Они сидели плечом к плечу на диване у кровати, бодрствуя возле Лу Ао.

Оба молчали. В палате стояла тишина.

Лишь их сплетённые руки сжимались крепко-крепко, не размыкаясь.

Чтобы Лу Ао спал спокойно, в палате даже не включили свет. За окном тучи закрыли луну, и лунного света не было — весь мир погрузился в серую дымку.

Прошло неизвестно сколько времени, прежде чем Цзян Чжюй повернул голову и взглянул на Лу Синъюаня.

Лу Синъюань примчался впопыхах. Куда делся его пиджак — то ли в самолёте забыл, то ли в машине остался, — он был лишь в тонкой рубашке. Причёска, обычно безупречно уложенная, давно растрепалась, пряди спадали на лоб.

Почувствовав взгляд Цзян Чжюя, Лу Синъюань тоже повернулся и тихо смотрел на него в ответ.

Наконец Цзян Чжюй еле слышно, шёпотом, заговорил:

— Аоао, кажется, утомился ненадолго. Я днём, когда домой заезжал, захватил пару твоих вещей. Может, пойдёшь принять душ и отдохнёшь?

Лу Синъюань покачал головой, по-прежнему крепко сжимая его руку, и так же тихо спросил:

— Сяо Юй, ты не хочешь спать?

— Я не хочу спать, — тоже покачал головой Цзян Чжюй. — Я уснул около восьми и спал до одиннадцати, пока Аоао не проснулся и меня не разбудил.

— Тогда иди домой, доспи. У меня как раз акклиматизация, спать не нужно.

— Врёшь! При акклиматизации как раз нужно спать!

Молодые супруги зашли в тупик, никто не хотел уходить спать, и им пришлось продолжать липнуть друг к другу, как две Q-Q-конфетки³, охраняя сон Лу Ао.

Примечание 3: Q-Q táng — популярный в Азии очень мягкий, жевательный и липкий мармелад.

Лу Синъюань взял плед, завернул в него Цзян Чжюя с головой, потом поднял его на руки и усадил на мягкий диван, чтобы тому было удобнее сидеть.

Вдруг Лу Синъюань тихо произнёс:

— Сяо Юй, ты плакал.

Цзян Чжюй упрямо вскинул подбородок, не смотрел на него и не отвечал.

Лу Синъюань продолжил:

— Утром, когда ты звонил мне, ты плакал. Я по голосу понял.

Цзян Чжюй отвернулся, опустил голову и укрылся пледом с головой.

— Ты пострадал, — тоном, не терпящим возражений, произнёс Лу Синъюань. — Не только когда упал. Лу Ао тебя боднул?

Цзян Чжюй удивился:

— Откуда ты знаешь?

— Он только что собирался то же самое проделать и со мной.

— А...

Точно. Только что, когда Лу Синъюань появился, Лу Ао рванулся вперёд, пытаясь сбить его с ног ударом головы.

Неудивительно, что он так же толкнул и Цзян Чжююя. Лу Синъюань протянул руку, чтобы сдернуть с него плед:

— Дай посмотреть.

Цзян Чжююй шлёпнул его по руке:

— Посмотреть что? Не смей! Аоао же тут!

Лу Синъюань замолчал. Тогда Цзян Чжююй распахнул плед, которым был укутан, сдвинул в сторону половину и накинул её на Лу Синъюаня.

— Не волнуйся, я в порядке. Тогда я просто испугался Аоао... То есть... Плакал не от боли, у Аоао мало сил, просто потому что...

По телефону Цзян Чжююй ещё мог кое-как скрыть правду, но теперь, лицом к лицу, прижавшись к супругу, он растерялся.

— В общем...

Цзян Чжююй больше не мог играть эту роль.

— У-у-у... Да у Аоао просто дьявольская сила, прямо как у быка! Он вдруг рванул на меня, мне показалось, рёбра переломаны! А ты был за границей, я один никак не мог его удержать! Я чуть не умер от страха, у-у-у...

Лу Синъюань обнял его и погладил по голове.

— Он ещё сказал, что порвёт со мной отношения, просто до смерти меня разозлил! Когда Аоао поправится, ты поможешь его удержать, я обязательно бодну его в ответ!

— Хорошо.

— И ты тоже! Не мог уехать раньше, не мог уехать позже, именно в этот момент уехал, — Цзян Чжююй ухватился за его воротник: — Поклянись, что больше никогда не будешь уезжать в командировки! Даже если уедешь, должен вернуться в тот же день!

Лу Синъюань покорно поднял правую руку:

— Клянусь.

Двое прижались друг к другу, втиснувшись на маленький диванчик у больничной койки. Это было больше, чем просто намёк на близость: они скорее согревали друг друга, давая друг другу силу.

— Сяо Юй, в этой поездке за границу я уладил все дела. Теперь мне больше не нужно будет ездить в командировки. Я останусь здесь, с тобой, чтобы жить спокойной жизнью.

— М-м... — Цзян Чжюй вдруг почувствовал что-то неладное, шмыгнул носом. — Погоди-ка, а Аоао?

Гнев Лу Синъюаня ещё не утих, но раз уж жена заговорила, он не мог ослушаться. Пришлось неохотно добавить и Лу Ао:

— С тобой и с Лу Ао.

Незаметно для себя Цзян Чжюй прислонился к нему и уснул. Лу Синъюань взял салфетку, вытер слёзы Цзян Чжюя и оставил лёгкий поцелуй у него на лбу.

Вскоре вошла медсестра, чтобы измерить Лу Ао температуру. Лу Синъюань подошёл помочь.

После ухода медсестры Лу Синъюань протянул руку и щёлкнул Лу Ао по лбу.

Отомстил за жену.

Именно в этот момент ночной ветер промчался по небу, и тучи рассеялись.

Чистый, серебряный свет луны проникал в палату, освещая каждый её уголок.

<http://bllate.org/book/13911/1225873>

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17729/1662008>